

*Нет лучшего способа похудеть,
чем попасть в сакральный мир*

*Не хочу быть
героем*

Дивьи люди

Людмила Ударцева

18+

Людмила Владиславовна Ударцева
Не хочу быть
героем. Дивьи люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39435749

SelfPub; 2021

Аннотация

А вы бы хотели оказаться в мире, где не действуют известные вам законы природы, где люди как люди, но добрее и беззаботней, а девушка, предложившая вам сыграть свадьбу, красивая и добрая, как ангел? Только о свадьбе вы узнаете по её окончанию, а заодно обсудите, нужно ли вам спасти их мир или лучше спасти себя.

Людмила Ударцева

Не хочу быть героем. Дивьи люди

Книга первая

Дивьи люди

Вместо предисловия:

**Нет лучшего способа похудеть, чем попасть в са-
кральный мир.**

Автор

Глава 1

Из глубокого ступора меня позвал робкий женский голос:

– Очнитесь, ну пожалуйста...

Призыв продолжили руки, две слабые ладони на плече в неудачной попытке потрясти мою стокилограммовую тушку.

– Сделайте что-нибудь! – отчаянное требование, обра-
щённое к кому-то третьему.

– Что я могу? – Второй голос обозначил присутствие муж-
чины недалеко от меня.

– Он жив? – то же невероятно приятное, женское сопрано.

– Откуда мне знать. Я же не врач, – голос мужчины звучал

громче, уверен именно мужик, подойдя, ткнул меня пятернёй в тоже плечо.

Это мне уже не было столь приятно и, усилием воли, я пришел в себя, пока оба не проявили ещё больший энтузиазм.

– Я... сам врач, – выдохнули мои лёгкие, и я удивился слабости своего ответа. Как же такое могло произойти со мной? В голове всплывали образы: свет передних фар грузовой машины на моей полосе движения, поворот руля вправо, последняя попытка избежать столкновения и появление белого жесткого тела подушки безопасности. Всё ещё глядя в задумчивости перед собой, я ощупал своё лицо. Глаза снова закрылись, но сознание возвращалось.

Слегка переместив плечи на спинке автомобильного сидения, проверил, насколько мне досталось: спина не пострадала, руки, ноги тоже – голова и шея посылали болезненные сигналы. Проверил на чувствительность пальцы – в норме, потёр руки, словно утирая дрожь вызванную недавним болевым шоком. Больше нет причин отвергать случившееся – я попал в аварию, что казалось невероятным в моей безмятежной жизни. Я всегда был счастливчиком. Исколесил за рулём полмира, скорости не боялся... И на тебе! Авария на ровном месте.

Желудок замутило, не только мозгу было трудно переварить случившееся. Я открыл один глаз. Руль закрыт отслужившей своё оболочкой подушки, обзор перекрыл налетев-

ший на меня грузовик, и вдруг, совсем близко слева силуэт... «светловолосого ангела».

«Я умер?» – Таких девушек в живом мире не бывает.

Новая попытка присмотреться, уже двумя глазами, подтвердила присутствие девушки с длинными светло-русыми волосами. Она разглядывала меня, совсем близко, просунув голову и руку сквозь открытое окно моей машины, продолжала словно ребёнок тормозить моё плечо, моля кого-то о помощи. Пока я не понял, она просит помощи у меня.

– «Ух как башка гудит! Значит не умер. Что она лепечет? Помочь? Кому?»

Я посмотрел на неё в упор, отчего она вдруг замолчала на полуслове, вглядываясь в моё лицо. Её и без того неземное зелёноглазое с тонкими чертами лицо осветилось мимолётной улыбкой, которая мгновенно погасла за проникновенно-тревожным взглядом. Если бы так не трещала голова, я отличил бы волнующий её трепет от тревоги. Как человеку, далеко не равнодушному к женской красоте, даже сотрясение мозга не помешало отметить, что девушка необычайно притягательна. В первую очередь я бросил взгляд на нетипичный для этих широт цвет кожи, с безупречным как после солярия загаром, с идеальным нежным тоном, точно из-под рук хорошего визажиста-косметолога. Только две мокрые дорожки оставленные слезами, доказывали полное отсутствие «штукатурки».

– «Чего так переживает? Меня оплакивает что ли?» – Её

тревога становилась всё приятней. – «Ну, что за чушь!» – одёрнул я себя. Вместо рвущихся с языка любезностей брякнул, нахмутив брови:

– Это ты мою машину остановить пыталась?

– Да, – она сначала виновато сжалась, потом выпрямилась, вытащив голову из кабины, и пояснила, – я предупредить хотела.

– О чём?

– О том, что ехать дальше опасно.

– Об этом в «Новостях» по «Первому Каналу» передали?

Она отрицательно, как-то растерянно, покачала головой, не доверяя скорее себе, чем моим колким словам, потом попробовала объясниться, также с осторожностью подбирая слова,

– Намедни я видела... кровь на вашем лице и... почувствовала смерть.

Ну, всё проясняется! Ни у меня одного возможно сотрясение мозга. Однако в душе, я осознавал, что появление девушки в длинном, похожем на саван, платье, заставило меня сбавить скорость, и хоть я и не ответил остановкой на её появление и вычурные махи руками, однако с грузовиком встретился не на скорости, что видимо и спасло мне жизнь.

– Ты откуда здесь взялась? – Девушка в светлом балахоне, перехваченным пояском, в семь часов утра на трассе где до ближайшей деревни почти десять километров не самое привычное явление. Уже промчавшись мимо, я подумал, что

зря не остановился: на «ночную бабочку» она не походила даже издалека. Но, как всегда мои мысли «шли вразвалочку», гармонично сочетаясь с циничным восприятием мира и заплывшим жирком туловищем, так, что притормозил, подумал: – «Зря!» – и только.

– Моя семья в Марьинке живёт, вёрст пять вниз по реке.

Если её ответ привлёк моё внимание несоответствующим возрасту измерением расстояния или скорее деревенской наивностью, которой была пропитана она вся, даже говор, то мужик – «не врач», как ошалелый ёжик, ловил каждое слово, очарованный юной красавицей.

– Вы с родителями проживаете? – спросил он, привлекая внимание своим любезным обращением и сдабривая голос заботливыми нотками.

Девушка начала рассказывать про свою семью, я тем временем открыл дверь машины и, немного потеснив собеседников, отошел от них на несколько шагов.

– «Может, следуёт, для начала лихого виновника ДТП отчитать? Стоит себе и делает вид, что он тут ни при чём, вежливо поддерживая беседу. Хотя куда теперь спешить, успею», – думал я, а тем временем их голоса за спиной стихли.

Мужик пошел к своему КаМАЗу, подмявшему под себя правую сторону моего мерседеса до самой кабины. Он несколько раз охнул, выражая отношение к несправедливости жизни, кивнул на мой вопрос в порядке ли страховка и

тоже замолчал, обдумывая возникшие последствия.

Я продолжал обход вокруг разбитой машины, нарочно не замечая, что девушка, в тщетной попытке меня окликнуть или просто не решаясь это сделать, следовала за мной молчаливой тенью.

Только обойдя свой автомобиль, я перехватил умоляющий взгляд на её пылающем румянцем лице. Молчание затягивалось, и я как рыцарь поспешил на выручку «даме».

– Сказать, что-то хочешь? Так, говори уже, не стесняйся.

– Я попросить должна, – она замялась, просьба явно давалась ей с трудом, – нужно... чтобы Вы мне поверили... очень нужно.

Облегчать её задачу и дальше я не собирался. Чем я мог ей помочь, без машины, с бесполезным в этом месте мобильным телефоном в руках. Может, деньги нужны?

– Вы можете всё исправить. Точнее только Вы. Я видела Вас раньше. Это объясняет моё присутствие здесь.

– Так, – во мне не осознанно, встрепенулась профессиональная сторона, – и где ты меня видела?

– Во сне, – призналась, как истину открыла. – мы оказались в беде. Чёрная опасность приблизилась, окружила со всех сторон. Мы не видим её, она растворилась среди нас. Ваш облик и лицо, оно появилось, как надежда противостоять великому злу.

– Твои родители... ты рассказывала им о своих видениях? – приступил я к сбору информации для анамнеза.

– Я не могу их тревожить. Они не понимают знаков.

Я посмотрел на неё внимательней: на больничный халат её одежда не похожа – конечно, мешок с руковами, но вышивкой расшит. А на ней смотреться как наряд. К бабке не ходи – девушка из сказки. Прекрасный облик девушки, вызвал во мне приступ жалости – такая красивая и с диагнозом! Что это? Навязчивые идеи? Паранойя или шизофрения?

– Мне пора, – она смотрела с надеждой на понимание, – обещайте остаться в Чуди сегодня ночью.

– В чуде?

Она кивнула сделала несколько шагов, собираясь нас покинуть, повернулась, словно спрашивая своей улыбкой: «Готов ли я на всё за неё?»

Сработало стопроцентно. Я понимал, что она очень странная, безумно красивая и просто безумная, и не смог остаться равнодушным к неискушенному девичьему взгляду и манящей женской улыбке. «Ох, не следует её отпускать! Она может быть сама себе опасна», – твердило во мне то, что всеми принято называть совестью. Но я давно понял, что из-за гипертрофированности данной стороны своей личности можно набить много шишек, поэтому по привычке реагировал очень сдержанно.

Я сделал шаг – она отступила. Тогда, я продолжил спрашивать, демонстрируя искреннюю заинтересованность:

– Я обещаю, – солгал я, не моргнув, – только скажи, зачем?

– Вы нас всех спасёте, – девушка обрадовалась, но подойти ближе не позволила, снова отступила на несколько шагов. – Если вы разобьёте шатёр на Поляне в ночь Ивана и Мары, я смогу вас найти. – Девушка сложила руки готовая взмолиться и передумала. Не находя понимания с моей стороны замолчала на несколько секунд и, словно собравшись с мыслью, продолжила нести полный бред: – Поймите, Вы наша единственная надежда на спасение – а я Ваша.

Видимо посчитав свою миссию выполненной, она развернулась и теперь удалялась от нас легкими быстрыми шагами.

– Стой! Тебе помощь нужна!

– Конечно! И Вы мне её окажете. – Пропела Двинутая прекрасным, чистым голосом, стремительно удаляясь, и уже на краю поляны добавила: – Не волнуйтесь, теперь всё будет в порядке.

– Куда она? – спросил шофёр.

– Тебе, то что? – я скорее рывкнул, чем спросил.

– Настоящая русская красавица!

– Ты-то, дед, куда?

– А что я? Хотел в свидетели её взять.

– Расслабься, показания её всё равно, что лепет ребёнка, не от мира сего твоя красавица!

«Про видеореги­стратор, говорить, пока не стоит. Кто знает, какие там тараканы в дядькину голову за­ползут на фоне стресса», – подумал я, а вслух добавил:

– Иди, придумывай, почему за рулём уснул. Нормы не со-

блюдаешь?

После бегства его «свидетеля» речь камазиста стала совсем «фольклорной». Склоняя два расхожих матерных слова, он рассказал примерно следующее:

– Чего выдумывать! ИП мы с КаМАЗом, сами на себя и работаем. Какие там нормы, если таможду почти неделю проходил, а груз ещё вчера ждали.

Когда-то в моей студенческой, общажной жизни, обилие ругательств было нормой, но те годы давно остались в прошлом, сменились несколькими странами и культурами, поэтому меня коробило от явного пренебрежения литературными словами. – «Мог же с девчонкой поговорить прилично, чего так, сходу меняться?» – Не сказав ни слова, я отвернулся от водилы, но слышал брань ещё долго, удаляясь от места аварии по направлению к городу. Только на ходу, я продолжал размышлять в сомнениях: «Зачем, я уйду от машины? Последствия удара головой? Может потому, что дед-матершинник нравился мне ещё меньше, чем дед-дамский угодник?» Я надеялся, что через пятьсот шагов появится сотовая связь, а сам шел и шел. На самом деле сработала привычка. Мой организм четко усвоил, что при стрессе нужно ходить, чтобы снять нагрузку с нервной системы. Единственная полезная привычка возникла давно и была частью самообмана, будто я подходил к своему здоровью как человек образованный и ответственный. За исключением спорта, который я давно заменил исключительно сексом, в остальном я

казался себе сторонником здорового образа жизни, далеко не фанатиком, конечно. На самом деле, я ел, что хотел, выпивал – по случаю. С годами моя жизнь впитала множество пороков, за исключением табака и наркотиков, а от полезного остались разве что длительные прогулки. Не такие долгие, как та, что предстояла мне в тот день, когда, преодолевая новый поворот, я тщетно надеялся увидеть признаки деревни или поймать сигнал связи. И так, я шагал, всё дальше и дальше удаляясь от своей машины.

Мне казалось, что прошло уйма времени, пот пропитал рубашку, палящее летнее солнце нещадно топило мой жир с самого утра. Связи на мобильном так и не появилось.

Злости добавили наручные часы, кроме цифры, напомнившей о приближении дневного пекла, теперь они показали, что иду я не так долго и капли влаги от пота под стеклом. «А ещё качество гарантировала за мои пятнадцать тысяч, Сука!», – помянул я улыбчивую ассистентку модного салона.

– «Пора вернуться», – уступил я усталости и головной боли, признавая бесполезность попытки дойти до населённого пункта или до границы покрытия сигнала сотовой связи.

К счастью для меня, дядька на злосчастном грузовике, тоже не стал ждать и поехал за мной. Он остановился, я забрался в кабину и вполне миролюбиво предложил:

– Давай на твоей колымаге в город смотаемся? Ждать толку мало – лучше самим поехать.

– Как скажешь. Кто его знает, что лучше-то? – за «колы-

магу» старик явно обиделся. – Мне всё равно за просрочку ни каких страховых выплат как виновнику не светит, так, что тебе и карты в руки. Ушел – ни слова не сказал! – пожаловался мне же водитель. После того, как устроился за баранкой своего грузовика, он ворчал на пару с заведённым мотором, словно последний прибавил ему самоуверенности.

– Решил до посёлка дойти, да силёнок не хватило, – попытался я объяснить.

– Город примерно в тридцати километрах, так? – Уточнил камазист, и предложил: – съездим, сообщим страховщикам и ГИБДД, а потом ты с ними вернёшься. Свои данные я инспектору оставлю. Вот, только если твою машину какие-нибудь мародеры раздербанят? – Он замолчал, ожидая, что я отвечу. Поддерживать разговор совершенно не хотелось. Человек в отпуске, в деревню к маме отдохнуть приехал, а его КаМАЗом. Ну, кому бы понравилось?

– Дед, а ты много народу, видишь? Как девчонка сбежала, полдня ни одной машины, рыбака или грибника. Необычно это как-то?! – Жалея себя, я не удержался от очередной едкой интонации в голосе и сразу подумал с осуждением: «Чего сейчас взъелся-то?»

Ехали мы уже третий час, но никаких признаков города, посёлка или просто присутствия человека так и не обнаружилось. Это сильно подрывало мою веру в благоприятный исход предприятия, и раздражало невероятно. Очевидно водитель чувствовал нечто подобное,

– Какого лешего? Где люди-то? – он продлил речь витиеватой бранью, не понижая бал своего матерного красноречия. – Я ведь не первый раз здесь езжу, с десятков посёлков за два часа должны были проехать, не говоря уже о том, что город не заметить, невозможно было бы.

– Я тоже здесь только вчера туда и обратно проезжал, – во мне проснулось сочувствие, ведь по натуре я не злой, как говориться, просто память хорошая. Может и пресная у меня натура, совсем не выдающаяся, по словам бывшей подруги, но и тут думаю, от обиды было сказано, не так всё запущено. Я не относил себя к людям заурядным, как всякий успешный ботан, имел завидный список достижений. Сначала школа с золотой медалью, красный диплом и семь лет работы в лаборатории, которые не прошли для карьеры даром. Меня заметили и в обмен на перспективное кресло, я выполнял работу, как говориться и за себя и за того парня «с лохматой лапой». Иначе без связей не пробиться. Так я вышел на нужных людей, получил поддержку спонсоров и заработал рекомендации и достойный гонорар. Оставалось жить и не задумываться о том, как люди покрупнее вертели делами: закупали готовые препараты в Китае, раскладывали и анализировали компоненты, обогащали микроэлементами и витаминами и запускали производство «Антигеронд», а проще – таблетки против старости. Фейковый препарат стал новым брендом. А почему нет? Съел таблетку и чувствуешь, что стал как будто моложе.

Оставаться в стороне для меня всегда было проблемой. Когда я начал вникать в детали, компания в которой я работал, уже избаловала меня солидным заработком и квартирой с видом на берега Рейна. В качестве компенсации моя совесть стала тешиться ежегодным отпуском на Родине, всё больше забываясь в случайных связях и параллельных с работой исследованиях, в которые я действительно верил.

– Мать у меня в Алексеевке дом купила, – я вспомнил, как она радовалась моему приезду. Водителю же продолжил рассказывать, как вчера с ней в городе бытовую технику выбирали, а микроволновку забыли купить. – Родных хотел порадовать и привычку жить с комфортом, вот и поехал, чтобы им обоим угодить и матери и тяге к современным удобствам.

– Ты не местный тоже получаешься?

– Родился и вырос на Урале. В Екатеринбурге университет закончил, два года в Московской клинике стажировался, потом с фармацевтической фирмой сотрудничать начал, в Европе жил, несколько дней как приехал.

– Что за границей нравится?

– Да не очень... ограничений не люблю, – ответил я неопределённо. Мои мысли трудно воплощались в слова. Правда оставалась глубоко внутри меня. Я проглотил комок правды и, словно проталкивая её ещё дальше, продолжил, после небольшой паузы, – Мешают мне любые рамки. Порядок в городах у них прекрасный, в Германии, например, – продолжил я – идеальная чистота. Во Франции, поражает

энергетика, кажется, даже воздух вокруг людей быстрее перемещается, но и роскошь и порядок для меня лишь гипертрофированные, давящие нормы, от которых люди вокруг сами становятся ограниченными. Там я невероятно скучаю по русским просторам.

Мужик и половины моих откровений не воспринял, правда когда я смолк, спросил с неподдельным интересом:

– А мать значит, в деревне живёт?

Наверное, мне повезло, в кабине своего КаМАЗа дед оказался тем собеседником, при встрече с которым можно было выговориться на годы вперёд.

– Сестра старшая уговорила. Я совсем забросил родных, маму и младшую сестрёнку тоже. Часто приезжать не могу. Маме одной трудно было с подростком справляться, после смерти отца она сильно сдала. Решила поближе к старшей дочери перебраться. Та после школы сразу за строителя-дорожника выскочила, он её в эту глухомань лет десять назад перевёз. Детей троих родили. Живут небогато, но дружно, матери помогать успевают.

– У меня дочка в Воронеже живёт. Бизнес у неё. Я, наоборот, ей помочь стараюсь. Одинокая она, всё на себе тянет. Внуку-балбесу уже двадцать, а он ни о чём не переживает. Школу закончил – она его за большие деньги в институт, а толку-то. И года не проучился – отчислили. Болтается так, на мамкиной шее.

– Это от излишнего благополучия случается с молодёжью.

Но вместо ожидаемого согласия на общепринятый в нашем обществе факт, дед завернул двухэтажным матом и вжал в пол по тормозам.

– Твою ж мать, – последовала моя реакция вслед за дедовой. Мы оба, преодолевая резь в глазах от отраженного света полированного металла, были не в состоянии оторваться от невероятного видения коим для нас явился двойник моего помятого, серебристого «Мерина».

– Что за хрень? – Задал я свой дежурный вопрос. Отрепетированный за много лет он, совсем не требовал осмысления.

Дед в ответ опять сказал матом, о том, что про «хрень», знает в иносказательном значении, но в дедовом лексиконе эта часть мужского тела была в ответе за всё, – По кругу, получается, ехали?

Мы вылезли из кабины грузовика и подошли вплотную к легковушке.

– Выходит, что так.

Водила почесал затылок, недоверчиво пнул шину иномарки и уставился на меня с полным недоумением:

– Дальше что будем делать?

– Понятия не имею. Связи на телефоне, за весь путь ни одного деления не появлялось. По времени этот круг занял три часа...

– Получается, проехали чуть больше трёхсот километров, – ухватил мою мысль дед. – Проверим предположение

и повторим?

Я лишь удрученно кивнул в ответ: «Что даст нам эта проверка? Твердую уверенность, что мы попали на единственную в мире дорогу-карусель – едешь по кругу и не знаешь где ты вообще находишься?»

Разговаривать больше не хотелось, за всё время поездки, питая тайные надежды на возможность вырваться из круга, я почти не отрывал глаз от экранов двух телефонов, но лишь убедился, что мы два абонента, которые находились вне зоны действия сети.

Не опасаясь встречного движения, мы сделали второй круг за два часа двадцать пять минут, и словно по расписанию, перед нами возник мой автомобиль.

– Может, в другую сторону, нужно поехать?

– А солярки у нас на новый круг хватит?

– Нет, пора остановиться, пешком ты до своей машины не пойдёшь. Топлива на сотню километров, может меньше.

– А ведь девчонка про деревню говорила. Как там её, Марьинка?

– Не слыхал про такую, – засомневался дед и полез в бардачок. – На карте ни Маринки, ни Марьинки нет, – добавил он через несколько минут, потраченных на изучение надписей. – Мы должны быть вот здесь, – он подсунил карту мне и ткнул пальцем на тонкую линию трассы. Множество пустых кружков с обеих сторон от дороги обещали населённые пункты, а красная жирная точка прямо по курсу обозначала

не существующий на нашем замкнутом пути город.

– Сидеть я не собираюсь. Пойду в ту сторону, куда двинутая девчонка пошла.

– Может и не двинутая она вовсе, – заступился за «свою» красавицу водитель. Не понятно, почему я, до сих пор, не поинтересовался, как его зовут – возможно, это давало лишний повод относиться к нашей встрече как к чему-то мимо­лётному и незначительному, словно разговорился с попут­чиком на несколько минут.

– Она за теми двумя соснами скрылась, – продолжил я, молча отвергая предположение деда, что это мы с ним вдвоём сошли с ума. – Пойду туда, а ты здесь подожди.

– Нет, – выразил своё несогласие водила, – вместе пойдём, не люблю я этих фильмов, когда в трудной ситуации, вдруг говорят: «Давайте разделимся!».

– А если далеко идти придётся? – спросил я, намекая на его возраст, но он, лишь отмахнулся от меня как от надоедливой мухи, и продолжил сборы еще старательней, осматривая пожитки в спальнике машины.

Я последовал его примеру, достал из багажника свою дорожную сумку, сунул в неё телефон, регистратор, бутылку воды, потную футболку в обмен на чистую и, закрывая дверь машины на ключ, понял, что в сравнении с дедом я собрался налегке. Огромный рюкзак у его ног был наполнен до отказа и казался неподъёмным. Но «дед» (теперь точно его так звать не стоит) закинул его за плечо и зашагал впереди меня,

против ожидания, даже не сгибаясь под своей ношей.

Мы шли и шли, но никаких признаков деревни или тропинки не нашли. Девчонки и след простыл. Часы показывали начало седьмого вечера. Мне стало казаться, что мы снова ходим кругами. Водила же высказал предположение, что мы не найдём путь назад. Я ему напомнил, что сделал насечки на деревьях, но его неуверенность тут же передалась мне. Я пошел назад, вернулся к берёзе с последней оставленной мной насечкой и, собираясь продемонстрировать свою сообразительность на деле, указал на ствол дерева. Однако, как мы не искали, насечки на нём не оказалось. Делать нечего, я признался, что я ошибся деревом. Ещё больше растерялся, когда и на ближайших к нам деревьях почему-то не нашлось следов, оставленных моим складным ножом.

– Заблудились?

– Ну, уж нет! – я указал на берёзу в соседстве с тремя лохматыми елями с южной стороны. – Ты за этот корень загнулся, помнишь? – начал я. – Матюкнулся, а я озираться по сторонам стал. Те сосны стоят отдельно в рядочек, и каждая нечетная ниже четной, а напротив них боярышник. Он нам всего два раза за всё время встретился. Темно ему в лесу, где хвойные деревья преобладают. А торчащий из земли корень, который ты не заметил, был не один, второй через метр от него, что не характерно для такой мягкой почвы.

– Кажись так. Я ведь тоже стараюсь дорогу запомнить, но тут всё вокруг как по плану посажено: ёлочка, берёзка, ёлоч-

ка, берёзка, сосенка. Час назад понял, что заблудился окончательно.

– А мне другая мысль покоя не даёт. Валежника здесь нет. Сколько идём, а ни одного упавшего дерева. Я могу понять, по наличию более тридцати процентов лиственных, что лес не такой уж старый. Но деревья обычно ломаются: от ветра, снега, молний наконец, даже от мороза если вода в стволе задержалась. А здесь, сплошь только сильные, идеально ровные деревья. У сосен ветки начинаются в метре от земли, словно росли в полном покое, даже зверьё их не трогало.

– Доставать меня начинают эти странности. Никогда не задумывался, как хочу, чтобы люди вокруг были, – признался мужик.

– Зовут тебя как? А то за всеми этими происшествиями и познакомиться за день не успели, – вспомнил я, наконец, о приличиях, делая ножом новую насечку на стволе.

– Сергей Павлович, можно просто Палыч – не из гордых, – вздохнул Палыч и протянул руку.

– Майкл. Будем знакомы, – ответил я рукопожатием.

– Во как. Я думал ты русский...

– Да русский я. Михаил по паспорту. За пять лет по границам к Майклу привык, так легче там было представляться.

– Миша, а откуда про лес так много знаешь?

– Со школы в основном. В Универе вступительный экзамен по биологии сдавал. Готовился основательно, – объяснял я, наспех полоснув по стволу ножом. – Всплывают

школьные знания, но мне кажется, такие очевидные факты каждый помнит. А вот что в этом лесу твориться... – и я замер не высказав своё наблюдение до конца, так как Палыч, уже, сам глаза таращил на ствол дерева, где свежесрезанная насечка прямо на наших глазах начала стягиваться по краям и через пару секунд исчезла не оставив рубца на коре.

– Я сейчас жалею, что я не баба, им хоть повизжать от страха положено, – мой новый знакомый, непривычно оставил ругательства и посмотрел на меня с изумлением. Я не спешил с выводами, для меня нет ничего более страшного, чем вещи, которые я не могу понять и объяснить, но паниковать себе я не позволил.

– Пойдём к машинам. Ну, его – этот лес.

– Да, лучше в кабине переночевать, – согласился я.

Но устроится на ночь под защитой метала не получилось, мы не только не нашли своих следов и насечек, но также не увидели никаких признаков дороги или грузовика. С наступлением сумерек, пришлось поставить две лёгкие палатки на краю поляны и, мечтать о костре, сидя рядом с импровизированным столом.

– Может, попробуем веток нарубить?

– Чем? Ножом?

– У меня топор есть, – мой товарищ по несчастью оказался очень запасливым человеком. В его рюкзаке, кроме спального мешка, топора, палатки, сухого пайка в виде пары консервов, печенья и булки хлеба нашлись две бутылки водки,

за что я, его, просто зауважал,

– Палыч, значит ты вдовец? А почему второй раз не женился? – продолжал я беседу после того как оба утвердились в мыслях в том, что без сухой травы нам, в любом случае свежесрубленные ветки не поджечь.

– Нет уж, дудки! – ответил он, разливая остатки алкоголя из первой тары. – Эти женщины уже при знакомстве начинают выведывать, а что у тебя имеется. Запусти только в дом, и она быстро найдёт, чем поживиться. У них в моём возрасте, тоже наследники имеются. Были у меня две милочки, и каждая считала, что я ей и её детям помогать должен только потому, что она старость со мной, дескать, собиралась встретиться. Молодуху я не потяну, на кой ей жизнь старичьём портить, а те, что постарше свой норов уже не прячут. Так что лучше иметь несколько подружек по маршруту следования, чем сварливую бабу в доме. И ты ведь уже не юнец. Сколько тебе?

– Через полгода тридцатник.

– А не женат почему?

– Даже не знаю... Матери и родным привык говорить, что не встретил ещё ту единственную, а на самом деле столько их перебрал, что теперь все на одно лицо кажутся, а ещё я не уверен, что в добропорядочные мужья гожусь. Женюсь, а она мне через год как ты говоришь «обрыднет», как обычно, и что я этой женщине скажу: «Извини, меня от тебя воротит»? Это с подружками, как ты правильно заметил, легко.

Ну, в крайнем случае, номер сим-карты сменил и все дела, а жена, потом дети... с моей работой, когда я по всему миру мотался... нет... ещё погожу лет пять, уж потом пусть родня мне хомут одевает.

– Говорят, до тридцати не женился – холостым останешься. Хотя, лучше так, по-честному, – продолжил мою мысль Палыч, – чем как мой зятёк к молодой убёг и видали его, а Алёнке-дочке, заявил, мол – любовь. Знаем мы эту любовь, седина в бороду...

– ...бес в ребро, – в свою очередь я подхватил его возмущение и продолжил, – спешат как голые в баню с этим замужеством, а потом разводы сплошные... – Мы увлеклись обсуждением распущенности современной молодёжи и, прикончив вторую бутылку, ещё долго сидели в полумраке, поддерживая друг друга во всякой пришедшей в наши головы мысли:

– Вот... ты скажи... все бабы стервы... так? – настаивал мой многоопытный собеседник или скорее его хмель.

– Все, – согласился я и даже головой кивнул, хотя мы почти не видели друг друга в рассеянных бликах скрытой за облаками луны, – натура у них такая, а её не переделать,

– Вот и пусть на нас не рассчитывают! – предупредил Палыч всех упомянутых им сегодня женщин и, раскачиваясь, полез в палатку. Не слабый дедок оказался.

Я немного постоял, глядя, как облака плывут по тёмной панораме неба и, последовав примеру Палыча, улёгся спать

прямо на брезентовое дно палатки, положив дорожную сумку под голову. Почти сразу вернулись мысли о неприятностях пережитого дня, но я, как и несколько часов раньше, отодвинул их решение до утра и уснул.

Глава 2

Разбудило меня чувство дискомфорта от непривычной постели. Ещё до того, как проснуться окончательно, я понял, что опять происходит что-то необычное.

Послышался звук, вызвавший приятные мурашки, потом я услышал, что это протяжное пение. Слов было не разобрать, так как язык был вообще не понятен, однако песня полностью захватила мои мысли. Пели «а капелла». Лёжа, перебирая языки и диалекты, я не заметно для себя всё сильнее поддавался простому ритму и наслаждался его звучанием. Многоголосье делилось на чёткие партии, звук приближался, а я не мог понять мужчины поют или женщины и не сразу осознал, что именно затёкшие мышцы спины не давали мне утонуть в пучине проникновенного пения.

За несколько часов сна на твердом полу мне стало казаться, что я чувствую каждый камень, находящийся подо мной. Подниматься не хотелось, и я лежал и слушал, вместо того, чтобы посмотреть, что происходит снаружи палатки, допуская, что песня мне только снится. От всепоглощающей неги меня отрезала жесткая постель, она словно давила на меня снизу. Сквозь сон закралось подозрение, что я могу ощущать

камни даже под землёй – ну, не может четверть квадратного метра поверхности под моей спиной вмещать столько камней!

Боль в мышцах прогнала полностью оцепенение вызванное пением.

– «Изнежила меня Европа – ничего не скажешь!» – Присев, я выглянул из палатки. Ночью ветер унёс все тучи, и ясная луна озаряла лес и траву серым светом. Пение раздавалось где-то рядом, однако перед собой я видел только поле – большое поле, бескрайнее.

«Игра теней в предрассветной мгле», – пришла мне в голову поэтическая строчка. Вечером мы ставили палатку на поляне размером меньше двадцати метров, а по всему периметру нас окружали деревья.

Тело требовало размяться. Я выбрался наружу, распрямил плечи, намеревался начать с поворотов туловища – влево, вправо, и тут заметил, нечто непонятное. Наши палатки оказались не единственными на этой залитой лунным светом поляне. Большие, средние, круглые и квадратные шатры, похожие на декорации к фильму о кочевниках, были установлены менее чем в трёх шагах друг от друга, а сама поляна стала как будто значительно больше.

Я бы подумал, что спяну показалось и, прикрыл рот, до готового сорваться «чё за хрень», чтобы не разбудить товарища, но странная иллюзия не проходила, кроме того в неё добавились новые персонажи – люди в длинных одеждах, по-

хоже женщины. Их было не меньше сотни. Целая процессия в сопровождении высоких фигур с факелами с обеих её сторон приблизилась, проявляясь из тумана размытыми пятнами, под аккомпанемент мелодии отдалённо напоминавшей церковное пение.

Не доходя до края поляны, факелonosцы останавливались друг за другом, продолжая слаженное исполнение длинной, торжественной песни. Женские голоса смолкли, их строй рассыпался по поляне маленькими светлыми точками. Они двигались как яхты подгоняемые ветром. Некоторые, наталкиваясь друг на друга, бродили боковым шагом вдоль края поляны, словно вдоль непреодолимой стеклянной стены, другие успели подойти к шатрам и вот уже самые шустрые из них скрылись за матерчатыми стенками.

Совсем рядом со мной прошла высокая женщина с длинными чёрными волосами. Я не мог разглядеть её лица, но мне стало жутковато, так как показалось, что эти женщины были лишены чего-то. Точно! С расстояния меньше пяти метров я не увидел глаз. Вот, одна из них вытянула руку в попытке ориентироваться на ощупь, но двигалась по какому-то наваянию, как будто ей и не нужно видеть. Могло ли её вести что-то вслепую? Возможно, иначе как объяснить то, что сделав ещё несколько шагов, она, не задев босыми ступнями ни одной натянутой верёвки от палатки, прошла мимо меня.

– С закрытыми глазами, – вздохнул я, немного расслабив-

шись, – «Что здесь происходит? Надо будить Палыча!»

Но тут видимо очередь дошла до палатки моего старшего товарища. Небольшая фигурка наклонилась под низкий вход и грациозно (я бы сроду, так не смог), исчезла под брезентовым пологом.

Я сделал не больше двух шагов в сторону Палыча, как моё внимание привлекло движение рядом. Я оглянулся, успев заметить, как женская фигурка протягивает мне руки.

– Что за беспредел? – уверен, что я проворчал это вслух от негодования, готовый к обороне. – А это ты, – узнал я убежавшую от нас утром девчонку.

– Нашла! – пропел знакомый голос, как только я вполз внутрь.

– Можешь объяснить, что тут твориться?

– Конечно, расскажу всё, что знаю. – Лунный свет, едва пробиваясь сквозь ткань палатки, позволил различить только край белых зубов – она улыбалась. – Я верила, что вы придёте. Я вас признаю, – с этими словами она открыла глаза и взяла меня за руку.

Я слегка опешил и тихо повторил, что тоже её узнал. Не успел я договорить конец этой фразы, как моя рука в её пальцах стала гореть огнём. Я попытался вырвать руку, но что-то в темноте, словно железом сковало наши ладони. Мне оставалось тщетно пытаться дёргать невидимые оковы, вместо этого дергая в разные стороны девчонку. Под натиском ещё большей боли я замер, наблюдая как жидкое пламя разлива-

ется по венам и освещает красным светом соединённые руки.

Глядя на спокойствие девушки, я сначала подумал, что это она причина моих мучений, но когда красный свет, исходящий от рук, достиг её лица, я заметил испуг, скрытый за упрямым взглядом и мелкие капельки боли, проступившие испариной на лбу.

– Что это было? – потребовал я объяснений, как только с обычной легкостью мои пальцы освободились от оков. Рука больше не светилась, я повернул её туда-сюда – не обгорела, на пальце осталось что-то. Я опять развернул кисть. Точно! Простое гладкое кольцо на безымянном пальце! В душе похолодело. Я знаю, что оно могло значить, и я не был с этим согласен. В голове пронеслось обычное: «Что за хрень?»

Я чувствовал, что готов как ураган снести эти тряпочные крыши и бежать куда подальше, когда ненормальная девка приложила палец к моим губам призывая молчать и, подвинувшись совсем близко, прошептала у самого уха.

– Богиня благословила нас. Почувствуйте её благодать, – она наклонилась ниже и протянула руки к моим...ногам (признаться, я привык к другому началу прелюдий). До того как я понял, что она делает, я оказался уже разутым и без носок. Как только я встал босыми ногами на покрытую травой землю, ярость, рождённую во мне минуту назад, странным образом сменило чувство полного восторга. Я захлебнулся пьяным счастьем, на этот раз мелодия захватила меня це-

ликом. В полной прострации, я потащился куда-то вслед за девчонкой, ощущая невероятное блаженство: мне нравились предрассветные нежные краски неба, мягкий ковёр травы казался тёплым и невероятно приятно прохладным одновременно. Меня не смущала толпа людей вокруг, было безразлично, что я до этого не танцевал ни разу и даже не умел, я сделал несколько шагов в сторону, остановился и проследил взглядом за движениями моей партнёрши в этом странном танце. Мы действительно двигались в танце. Она смущенно улыбнулась, отошла на два шага, вновь приблизившись ко мне, и лёгким прыжком оказалась в моих руках.

– «Как пушинка», – подумал я, кружась с ней по поляне, с изяществом достойным сцены Большого Театра. – «Во! Как я, оказывается, умею?» – удивился, когда по примеру других пар мы исполнили какое-то невероятное па.

Среди танцующих, я заметил Палыча. Меня уже не удивило, что мужчина в его почтенном возрасте, мог так лихо поспевать за всеми. А танец тем временем набирал обороты, мелодия как будто оживилась и все мы, чему-то улыбаясь, образовали круг и, держась за руки, сначала двигались парными прыжками внутрь круга и обратно, а потом понеслись быстро-быстро сквозь пространство под сцепленными руками, поднятыми вверх, словно в игре «Ручеёк». И действительно это была скопированная детская игра, как только мы достигли конца колонны, мы встали и подняли руки, за нами тотчас, выросла цепь из пар, а наша пара, вновь, оказалась

первой. И мы побежали сквозь строй. Меня посетило щемящее ощущение глубокой радости, я давным-давно позабыл о существовании такого легкого чувства восторга. Всё, что было до этого момента: неприязнь к народным гуляниям любого рода, обретённое с трудом самообладание и задетое вновь обретённым кольцом гордость перестали иметь какое-либо значение.

Я вновь увидел Палыча, он тоже смотрел на меня и улыбался, открывая все свои вставные коронки. Такая детская улыбка на морщинистом лице выглядела как-то очень глупо, я не сразу понял, что улыбаюсь точно также. И я хотел так улыбаться и хотел прыгать в этом танце вместе со всеми.

Мы снова образовали огромный круг и встали близко друг к другу, лицом внутрь круга. Боковыми шагами хоровод закружился вправо и вскоре, разорвавшись посередине, разомкнулся. Выстроив одну линию, все участники танца сделали несколько шагов на восток и остановились.

Лес отступил ещё дальше и поляна за палатками, где мы танцевали, теперь простиралась во все стороны доступные взгляду, а навстречу нам из-за горизонта вставало яркое солнце. Мне по привычке захотелось прикрыть глаза. Странно, но, глядя на ускоренный восход светила, я не испытал в этом необходимости. Восходящее солнце, словно позволяя всем нам полюбоваться на свою утреннюю нежность, не мешало зрению. На огромном золотом диске различались объёмные, как в «Три Дэ», образы Девы с нежными овалом ли-

ца, контуром шеи и плеч, обрамлённых копной волос рядом с ликом бородатого мужчины. Они выглядели, как живые, я уверен, что она кокетливо повела плечом и улыбнулась, обернувшись к спутнику.

«Что это со мной?» – Я почувствовал, что готов разрыдаться вслед за большинством прослезившихся на поляне людей. Девушка в синем платье, рядом со мной смеялась и плакала в то же время. Когда первые лучи Солнца достигли края поля, мы вытянули сцепленные друг с другом руки вперёд и шагнули навстречу ласковым лучам, затопившим всё вокруг. Кольцо на моём пальце засверкало новым блеском. Я разглядывал свою руку, словно никогда не видел её раньше. Металл сочетал несколько оттенков, они расходились по нему как масляные разводы семи основных цветов и образовывали неповторимый рисунок. Насчёт неповторимости я тут же передумал – у моей пары было точно такое же, но уменьшенное в размерах кольцо.

– Всё получилось! Я так счастлива! – тихое признание, сказанное в искреннем порыве, по тону предполагало понимание, но его как раз и не было.

– Счастлива? – Дурман, заполнявший мою голову рассеялся и до меня стал доходить смысл происходящего, – Дурдом какой-то. Теперь растолкуй, что тут было. Наркотик или коллективное программирование?

– Вы признали меня на «Ладушкиной поляне».

– И что? Это мне всё объясняет?

Девушка, опять смутилась и опустила глаза, не найдясь сразу с ответом,

– Но... об этом... все знают... – выдавила она.

Однако я её тут же перебил, так как вспомнил о втором «Заботушке».

– Палыч! Он ведь где-то рядом был! – Я огляделся по сторонам, чтобы увидеть, как счастливый Палыч держит за руку миниатюрную блондинку. Он стоял, выправив осанку, и смотрел, на свою «избранницу» не отрываясь, даже не заметил моего приближения.

– Тоже попался? Они ведь ничего даже не объясняют!

Я посмотрел на его пассию с упрёком. Она только улыбнулась и отступила от нас, напомним нам о деликатности ситуации спокойным взглядом и приподнятой бровью. Мы оба, не стовариваясь, продолжили диалог шёпотом:

– Миша, настоящая Венера, загадочным образом, оказалась в моей палатке...

– Я надеюсь ты хоть не брякнул, что-то типа, я тебя признаю? – пресёк я его дифирамбы, только, чтобы услышать,

– Я признался, что она та, о которой я полжизни грезил.

– Давай уже выходи из транса. Посмотри, что на треклятой поляне делается!

Народу столпилось больше тысячи, радостный смех, поздравления, поцелуи и признания в любви со всех сторон.

Его «Венера» вернулась к нам и сунула свою ладошку, в готовую принять её ладонь Палыча. Я шептал, продолжая его

вразумлять:

– Кольцо на пальце появилось?

– Да! Это вообще чудо какое-то. Сначала я подумал, что сторит рука, но жар прошел за мгновение, только потом кольцо заметил.

– Ну, всё, Дед, молодожен ты теперь!

Я ожидал возмущения, и оно последовало, но не в адрес предполагаемого брака, а в сторону моего обращения к нему,

– Какой я тебе дед? Мне до пенсии ещё шесть лет!

– «Да, точно за «Деда» снова «Soggy», – а вслух спросил, – И не страшно тебе было, ведь ты её до этого ни разу не видел?

Дама его сердца сделала пару шагов и, посмотрев на Палыча, опять улыбнулась, приглашая следовать за ней. Я, не отставая, брёл рядом и слушал,

– У неё голос как песня, а как она красива при свете дня оказалась!

– А если у неё семеро по лавкам? Ты и этого знать не хочешь?

Сергей Павлович принял задумчивый вид, продолжая шагать вслед за своей избранницей. Маленькая, в меру округлённая фигурка принадлежала женщине бальзаковского возраста. Мы с Палычем не сговариваясь, прошлись опытными взглядами одним и тем же маршрутом: крепкая спина, сглаженные бока, попа, и оба пришли к конкретному, общему выводу: «Рожала, сто процентов». После чего Палыч сделал глубокий вздох и заключил:

– Если и так – воспитаем, поди.

– «А ну его! Не маленький, сам разберётся!» – махнул я рукой и, отстав от них, побрёл бесцельно от одной пары к другой.

На краю поляны, куда повели моего недавнего знакомого, пары подходили к огромному камню похожему на алтарь, бормотали что-то и счастливые скрывались за деревьями. Другие не торопились расходиться, а громко выкрикивали названия каких-то незнакомых мне городов или сёл.

– Есть кто из Перунов Града? – спросил громко молодой парень. Не слышал, что ему ответили, только он продолжил: – Я внук Авдотки и Корнея Селивановых. Мать просила передать им поклон, у нас всё хорошо...

Дальше я не расслышал, так как оставил потомка Селивановых и пошел назад к палаткам, за которыми осталась часть утренней процессии. Моё внимание приковали высокие фигуры застывшие ровным строем вдоль невидимой стены, которую не смогла преодолеть примерно половина женщин. Эта толпа прелестниц, сиротливо пристроились за мужчинами с потухшими факелами. Словно отделённые от праздничного настроения, царившего в центре, женщины смотрели с сожалением и завистью на воркующих влюблёнными голубями счастливицев.

Мне стало неловко, от того как я несколько минут назад, у них на глазах, скакал по поляне, горным архаром.

Как ни странно среди обладателей шатров, тоже нашлись

одиночки и теперь, после того как смолкло одурманивающее пение, они покидали спальные места, озираясь по сторонам, словно не могли поверить, что всё уже случилось без них.

Я прошел мимо палаток, приближаясь к строю мужчин на краю поляны и понял, что зря я их за мужчин принял, и за людей тоже. Все они были выше двух метров ростом, крепкого телосложения, в светлых длинных одеждах похожих на плащи. Узловатые пальцы, державшие факелы, заканчивались длинными, тёмно-коричневыми когтями вместо привычных ногтевых пластинок, а лица, покрытые бледно-серой кожей имели сглаженные черты, по два отверстия для дыхания и только намёк на нос. Длинная линия рта и отсутствие губ делала их больше похожими на рептилий, чем на человека.

– Не смотрите на них, так пристально, пожалуйста. Вы можете оскорбить их своим повышенным вниманием.

– Кто они такие? – спросил я у подошедшей ко мне «невесты».

– Это стрихшы – стражи Храма Лады. Они приводят нас к женихам и обеспечивают порядок исполнения ритуала.

– А вот, кто всё это затеял! Мне нужно поговорить с ними. Эй! – крикнул я и подошел вплотную к одному из змемордых стражей порядка, показал на кольцо, – Я не согласен. Заберите его назад!

Чудище, стоящее передо мной, мгновенно изменилось: шея выпрямилась и оказалась полметра длинной, от чего су-

щество стало почти трёхметровым в высоту; вторая рука, взметнулась и зависла, угрожая мне оружием, которое я не успел рассмотреть; серый плащ распахнулся, обнажая крепкие куриной формы ноги, поддерживающие массивное туловище, заканчивающееся длинным сильным хвостом, а то что я первоначально принимал за серый бархатный плащ, оказалось двумя кожистыми крыльями. Гигантский мутант змеи и летучей мыши открыл пасть, верхняя и нижняя острые как лезвия пластины, вместо привычных человеческих зубов, сомкнулись, огласив округу щелкающим громким звуком, затем опять разомкнулись и чудовище зашипело.

Напугаться я как-то сразу не сообразил.

Блескучая штука в когтистой лапе ящера показался несурной вещью и сильно портила его животную ярость, намекая на цивилизованность обладателя, а глаза смотрели с таким видом, будто он потревоженная на насесте курица и это сходство с наседкой развеселило меня невероятно. Я расхохотался в голос, веря, что ещё нахожусь под кайфом от какого-то наркотика, и вижу новую галлюцинацию.

Люди, проходившие рядом, отреагировали иначе. Вслед за моей «невестой» они упали на колени. Те, кто был ближе к нам, постарались отбежать перед этим на безопасное расстояние и там, так же как и другие, раболепно склонили головы.

Монстр сделал шаг и нацелил остриё оружия в мою грудь. Грозно так и ощутимо больно. Хохотать как-то сразу расхотелось, и я замер в нерешительности, – «А вдруг, это не

глюк?»

Моя партнёрша по танцу, бесшумно и легко как бабочка, поднялась с колен, обошла меня спереди, встала вплотную передо мной. Странная, похожая на посох хрень осталась прислонённой ко мне над её головой. Неожиданно как для меня так и для разозлённого ящера она сказала:

– Простите его, Великий Страж Лады. Он пришел к нам из четвертого мира. Их культура давно утеряна. Позвольте ему жить. Я и моя семья ручаемся за него, он не доставит вам больше неприятностей.

Ящер опять зашипел, но это шипение меняло интонации и прерывалось на отдельные различные по продолжительности отрезки, что делало звук похожим на речь.

– Да, мы будем ждать вашего решения в нашей деревне, – согласилась моя заступница.

Маленькая, отважная девчонка, была намного ниже меня и тряслась невероятно всем телом, но не отступила до тех пор, пока ярость моего оппонента не улеглась. Он прошипел ещё что-то, опустил оружие, затем, сложив свою длиннюю шею, и застыл, как и другие подобные каменным изваяниям фигуры, прикрываясь серым бархатом своих крыльев.

Мы остались стоять неподвижно. Я успел посмотреть на её макушку и ядовито подумать, что низенькая заступница едва прикрывает моё сердце, когда она понемногу приходя в себя, тихо сказала:

– Шаг назад и... можно уходить. – Осторожно поверну-

лась, взяла меня за руку и потащила подалее от стражей.

Я отыскал брошенную Панычем палатку и, взяв сумку, отметил, что мой товарищ был пожалуй единственным, кто от радости забыл свои вещи, трава на месте убранных шатров успела распрямиться не оставив и следов ночёвки.

– Сейчас поблагодарите богов и скажите, что мы будем жить в Чуди и, тот час, покинем свадьбу! – наставляла она меня, пока мы стояли в очереди «на распределение». Впереди, какой-то малый, шедший со своей парой, произнёс: «Благодарим за дар! Мы помним наши корни. Я веду жену в свой дом.» Он и его девушка поклонились и освободили нам место у самого основания каменной глыбы.

– Мне тоже самое сказать?

– Скажите, что идёте в дом жены, – шепот девчонки в ответ.

«Как бы не так!»

Подойдя к серому камню, я вообще хотел отказаться от «чести» с ним разговаривать, но потом подумал, что сопротивляясь, я только затягиваю своё возвращение в реальность и честно признался,

– Назад домой, как там у вас называется Явь? Пусть так! Домой короче, к нормальным людям.

– Выберите Чудь, прошу Вас...мои родители...как же они?

– О мамочке с папочкой раньше надо было думать, когда в палатку ко мне пробиралась! Ты не переживай если со мной

собралась. Я один ухожу, чтоб ты знала, – добавил я, для ясности.

– Вы спаситель, как вы не понимаете?! Беда уже скоро случится... – и она замолчала, потому, что как и я заметила, что на серой поверхности валуна проступили рельефные буквы. Я смог прочитать: «Иди с ней»

– Ты видишь надпись?

– Да! Боги приказывают Вам идти со мной! – готовые скатиться слёзы подтвердили её возмущение, сама же она больше не проронила ни слова – молча, проигнорировав невероятность только, что случившегося явления, она пошла прочь от камня.

– Мне не надо приказывать! – крикнул я вслед девчонке, однако на мои слова отреагировал странный камень. Буквы расплылись, но через секунду я уже читал другое: «Смерть». Слово неприятной змеёй заползло в мой мозг, вызывая ещё большую сумятицу в голове. Я гладил застывшие каменные буквы, а за спиной все замерли в немом ужасе от происходящего. – Чего уставились, как на покойника, у меня вроде какой-никакой выбор есть! – огрызнулся я на них. Я понял, что должен остаться. Так нужно кому-то, кто может искривлять гранит как воск.

Я не стал сразу догонять обиженную девушку, а поплёлся следом на расстоянии. У первых деревьев она остановилась и протянула мне руку. «Значит мир!» – подумал я как детсадовский пацан – оказалось мера предосторожности с её сто-

роны. Деревья больше не отдалялись. Как только мы миновали первые из них, людские голоса с поляны стихли. Я обернулся. Позади нас была только небольшая полянка, окруженная лесным массивом и никаких признаков народного гулянья. Тонкие пальцы сразу отпустили мою руку. – «Боялась, что потеряюсь! А в глазах тлеет огонёк обиды. Что же не выскажет ничего?»

Между деревьев пролежала тропа, я не хотел снова читать скрытые упрёки и опять пошел позади за уверенно шагавшей девушкой. Шел и не мог поверить, что это всё происходило со мной на самом деле. Взрослый мужик, попался в какую-то странную сеть событий, как кролик. Не может быть! Через несколько шагов, даже умудрился внушить себе, что возможно, я сплю, но размечтавшись, налетел на ветку и понял, что больно-то по-настоящему.

– Мы точно к твоей деревне выйдем? – решился я поговорить.

– Да, с поляны можно уйти в любую часть нашего Мира.

– А в наш?

– Не так просто, нужно разрешение.

– А есть ещё другие миры? Кроме твоего и моего?

– Конечно, мы ещё два знаем и не дай Род Вам там оказаться. Навь – это мир мертвых, а Ляд место нечисти и Богов.

– Какой странный ряд ты выстроила. Разве положено после нечисти богов упоминать?

– Нечисти везде полно, там особенно. Ляд имеет благо-

дать, нечистым только этого и надобно. Благодати там много, вот Боги и перестали нежить прогонять. Наверное, поняли что бесполезно. Я же сама ещё там не была, не знаю как правильно, говорю, как все.

Шутку я оценил, кто из людей на том свете был, назад ещё не вернулся.

– А вы, как и мы, люди значит? – Мне стало любопытно, куда нас выведут гонимые девчонкой «гуси».

– Мы потомки Богов. Наши народы проживают изолированно. Раз в год Богиня Лада открывает Пути в другие места, навестить родственников, в храм сходить. И на Поляну, конечно, чтобы освежить кровь своих дочерей. Только некоторые из нас могут попасть на Поляну. Сначала выбирают самых достойных одиноких девушек в каждом селении.

– Только девушек? Мне кажется там и зрелые женщины присутствовали?

– Возраст не важен, если благословенного кольца на пальце нет, можно всю жизнь пытаться его получить. Ночью за два дня до праздника, все плетут папоротниковые венки и опускают их в воду.

– То есть это типа конкурса, у кого венок лучше? – уточнил я.

– Думаю, что можно это назвать конкурсом. Ведь есть победитель -избранная. Мне было страшновато, когда нам сказали зайти в воду и ждать. Сначала наши венки стояли в реке как привязанные, и не уплывали вопреки течению. Мы были

по колени в воде, а старшие на берегу. В полночь, только три венка, отнесло к центру и на них раскрылись белые цветы. Они понравились Богам...

– Что за чушь, – я не удержался. – У нас тоже думают, что цветок папоротника можно в ночь Ивана-Купалы найти.

– Ивана и Мары? У вас тоже их чествуют?

– Ивана-Купалы, день, тот же, а праздник, вроде как языческий, у нас не отмечают. Знаю, что некоторые купаться ночью ходят, совсем наивные цветы папоротника ищут. Кстати, учеными давно доказано, что папоротники спорами размножаются, зачем им цветы?

– Цветёт папоротник, я сама видела. Я не знаю, чему они «учёные», но если бы мой венок белыми цветами не покрылся, меня бы не выбрали. Как говорят, раньше девушки даже из еловых веток венки делали и те цвели и очень красиво, – привела она очередной довод и умолкла, окончательно обиделась на моё недоверие.

– Ладно, в вашем мире всё цветёт, иначе действительно непорядок, всё как попало, а растения как принято. Правильнее чтобы у меня кругом, куда не глянь, «научный шок» был, – на её лице отразилась тревога (искала признаки шока). Я решил сбавить сарказм, ей он был не знаком, это как с ребёнком философию Канта обсуждать. – Не обращай внимания на мои слова. Что дальше-то было?

– Родные меня поздравили, нас троих дома кормили очень вкусно на следующий день. Меня немного пожурил тятенька,

за то, что я убёгла, он про Вас слышать не хотел. А мне нудно было вам переход обеспечить.

– Вот спасибо! – съязвил я. А она не обратив внимания продолжала:

– Следующей ночью, в назначенный час мы втроём подошли к Началу Пути, как только услышали пение стрихш пошли за голосами. До поляны нас сопровождали две дюжины Стражей, потом нам дали указание закрыть глаза и, дальше, мы пошли, доверившись судьбе.

– Ничего не видя, – убавил я романтизма. – А почему ни все на поляну попали?

– Остались те, кто жульничал с венком или кто пошел, если его не выбирали. Порой ходят просто посмотреть и себя показать. Мужчины по своему желанию шатры ставят. Их тоже ни всех выбирают. Кроме того это способ сходить в гости, ведь где Начало Пути открывается всем ведомо.

– Как ты смогла найти с закрытыми глазами именно меня? Ты тоже жульничала, подглядывала?

– Этого нельзя было делать. Стрихшы могут заморочить взор и увести туда, откуда нет дороги назад. Единственное, что я могла сделать, чтобы найти именно Вас это сильно захотеть. Я слышала, что это срабатывает. Нам мама рассказывала, – она продолжала свой неторопливый рассказ и пока мы шли по лесной тропинке, я с интересом выслушал историю:

– Старшая дочь Лады Мара была невероятно красивой

смертной девушкой. Её любви добивались даже Боги, но она полюбила простого лекаря-травника. Девушка не могла сама ему признаться, а Иван (так звали юношу) не представлял, что может быть достоин любви дочери Лады. Так, они жили рядом, и тайно страдали. Однажды, когда Мара шла за водой, её заметил Чернобог и выкрал, унёс в Царство Нави. Там не распространяется власть Лады. Он издевался над Марой, добиваясь таким способом её ответного чувства страсти. Даже мёртвые, бездушные слуги Чернобога не смогли терпеть издевательства над девушкой, они сжалились над ней и помогли бежать. Чернобог узнал об этом очень скоро и выслал вслед за ней злых Пекельников. Каждый дух нёс с собой страшные болезни, но вселиться в тело дочери великой Богини злые духи были способны лишь через её людские слабости. Первым к Маре приблизился Дух Чумы. Под видом Красна Молодца предложил Пекельник Маре помощь и защиту, но она отвергла её и близко не подошла. Вторым догнал её дух Падучей, завлекал красивой одеждой, да безделушками. Девушка отвернулась от него и убежала прочь, где её поджидал третий Дух-Кромешник. Он обернулся болезненным старцем и улёгся на тропинке. Не смогла пройти мимо больного Мара и предложила злему духу свою помощь. Как только дух коснулся Мары, он проник в её тело, чтобы его разрушить, но обжегся о чистое, любящее сердце и поспешил скрыться, покинул тело. И Мара не умерла.

Но даже за короткое время своего мерзкого присутствия

он успел забрать её красоту и ослепил девушку. В абсолютной темноте бедная Мара брела несколько дней, думая только об одном, сказать о своих чувствах любимому Ивану, и эти мысли помогли ей найти селение рядом со своим домом. Она прошла по улице до самой крайней избы и, открыв дверь, вошла в неё. Юноша спал на своей кровати. Девушка, подойдя к нему, ощупала его лицо и, взяв за руку, призналась, что нашла своего любимого. Юноша, услышав её голос, проснулся и, не выпуская её руки, сказал о своей любви и стали они в ту ночь мужем и женой. Он не отказался от обезображенной и слепой возлюбленной и прижимал к своему сердцу. Вмешалась Богиня и увидев настоящую любовь подарила им Луну. Там они и живут теперь.

– Получается, что эта легенда легла в основу того, что я назвал бы просто «Ярмаркой женихов»?

– Это не легенда, а наша история. А свадьбы на Ладушкиной поляне необходимы. Как дочери Лады мы выбираем себе мужей, полагаясь на зов сердца и благословение Богини, на месте, где находилось селение Ивана, рядом с Храмом Лады.

– А тебя случайно не Марой называли?

– Нет, Меня Есенией зовут.

– А меня Майкл, – брякнул я опять по старой привычке, и сразу предложил, – зови Михаил, если так удобнее, для твоего консервативного слуха.

– Ладно. Михаил, действительно лучше.

Тропинка стала шире и через некоторое время мы вышли

к окраине села. Заприметив нас, издали, на главной улице собралась толпа жителей. Есения тяжело вздохнула и приостановилась, желая пропустить меня вперёд, но потом передумала и быстро зашагала рядом.

– Не смотри на них с видом обреченной на вечный позор. Если хочешь, мы им ничего про наши с тобой дела не скажем. Сначала с твоими родителями поговорим.

– Может, маменька с тятей что присоветуют?

– Вот и ладненько. И не вешай нос! – брякнул я, а она задумалась, то ли как нос не вешать, то ли вспоминала, когда это незаметно для себя его повесила, словом заморозилась девчонка не на шутку. Я сжалился и пояснил, – Просто улыбайся! – Затем принял вид счастливого жениха.

Под громкое «Счастья Молодым!», восторженное и приятное моему мужскому самолюбию «Вот так богатыря Сенька себе выбрала!», мы шли по широкой улице.

На окраине, дома были совсем ветхие. Большинство низких соломенных крыш накрывали глиняные постройки. В центре тоже было не многим лучше – развалюшки с почерневшими, деревянными стенами. Усадьбы выглядели огромными, расстояние между соседними домами удобнее измерять гектарами, чем метрами.

– Моя двоюродная сестрѐнка, побѐгла нашим докладывать, что мы вдвоѐм идѐм, – указала Есения, кивком головы, вслед убегающей девчонке.

Дом Есении был одним из самых больших, но казался

недостроенным из-за пустых оконных проёмов левого крыла. Во дворе нас встретила целая ватага малышни, я бы подумал, что попал в детский сад, настолько один ребёнок был не похож на другого.

– Со всей деревни набежали?

– Мы все здесь родичи.

Я посмотрел на черноглазую девочку с толстыми косичками, потом на рыжую, потом на белобрысую. Разномастная родня выкрикивала поздравления, читала наперебой стишки и смеялась.

– И что все эти дети твои сёстры и братья?

– Три сестры, а те двоюродные и троюродные, вон и племянницы с племянниками.

На крыльце родители предложили нам откусать хлеба с солью и проводили сквозь строй таких же разных взрослых родственников, теплых объятий и килограммов брошенной в нас пшеницы, в большую горницу с расшитыми занавесками, настоящими резными лавками и огромным столом.

Стол ломился от простых народных блюд, я узнал холодец и котлеты и с удовольствием подумал, что нормально поем впервые за два дня, но не тут-то было. Нас усадили за отдельный, совершенно пустой стол, напротив всех. За накрытый стол уселись только мужчины. Кроме хозяйки гостям разносили напитки ещё две женщины, схожие с ней внешне, как я понял сёстры, пришедшие на помощь. Впрочем, на них троих никто не обращал внимания, за то меня без конца по-

здравляли с тем, что я выбрал их посёлок и стану частью их компании, а сами, не предложили глотка вина или на худой конец чая. Себя они поздравляли с тем, что впервые за последние двадцать лет в их деревне свершился вышний брак. Я сравнил себя с куклой на капоте советской семёрки – сидел и тупо, лупал на них глазами.

Одни мужики... И им было очень весело.

Я с опаской ждал пьяных криков «Горько!» – боялся напугать молодую девушку, вызвать отвращение от присутствия совершенно чужого мужика в роли её мужа, но их заменили бесконечные поклоны гостям. В итоге я устал садиться и соскакивать, просто стоял и кланялся при каждом обращении ко мне.

– «И чего я тут кривляюсь, на забаву гостям?» – Ответ пришел не вызывая сожалений, – «Есения». Я почувствовал, как я ей был здесь нужен. Похоже, она больше не рассчитывала на моё пожизненное пребывание в роли мужа, молча, обреченно опустив взор, переносила грубые замечания о никчёмности женщин, кажется, готова была вечно садиться и соскакивать по первому слову старших и, от этого, выглядела ещё более незащитной.

Пир длился не один час, когда Есения наконец получила разрешение покинуть своё место и, улучив момент, отвела родителей в сторону. Она шепнула им пару слов и скрылась вместе с ними в соседней комнате.

Вернулась она бледнее полотна и, не говоря ни слова села

рядом. Нас опять поставили на ноги и заставили произнести какие-то шуточные клятвы. Гостям было очень весело. Я же не мог смотреть в глаза своей лженевесты, которая с видом загнанного оленёнка, взирала на веселье с ужасом, стойко сдерживая подступившие слёзы.

Отец больше за столом так и не появился. Мать Есении пару раз упомянула для любопытных гостей, что у хозяина сердце на радостях прихватило, и продолжила играть роль радушной хозяйки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.